

ПЯТЬ ДНЕЙ

День первый — Вот вляпался! Спасибо родителям... Восьмой класс — и новенький! Да еще и в этой дыре, хорошо хоть Москва рядом, — телефонный разговор Максима был прерван легким ударом его правой ноги обо что-то горячее. — Я перезвоню, — Максим положил телефон в карман и посмотрел под ноги. На его носке расположился румяный, горячий блинчик, из которого потихоньку на траву вываливалась капуста. Он только успел его стряхнуть с ноги, как откуда-то сверху послышался звонкий девчачий голос: — Держи! Футболку подставь, я буду бросать! Максим поднял голову вверх и увидел две тонюсенькие ручки, держащие такого же крошечного котенка. — Вы мне? — А кому же еще? Лови его в футболку. И руки приготовились кинуть вниз этот мяукающий комочек пуха. Максим только успел подхватить котенка, как вслед за ним с дерева прыгнула такая же крошечная девчонка. Все в ней было тонюсеньким, хрупким, кроме огромных серых глаз, которые сразу уставились на Максима. — Ты понимаешь, что ты блинчик Клавдии Сергеевны уничтожил? Максим еще не успел прийти в себя от ловли котенка, который уже успокоился и притих в его руках, а уже претензии. — А в Красногорске все такие вежливые — вместо благодарности наезжают сразу? — А-а-а, ты не местный... — Теперь местный. Максим чувствовал себя совершенно глупо, стоя здесь с котенком под прицелом этих пронзительных глаз. — На, держи его. Мне надо идти, — он протянул ей почти уже спящего котенка, но вместо того, чтобы принять его, эта девчонка стала собирать в тарелку разбросанные куски бывшего блина. — Ладно, птицам покрошу. С тебя блин. Вдруг ее лицо озарила мысль, и она показала своей ручкой-веревочкой на дом, виднеющийся сквозь листву парка: — Пожалуйста, отнеси его в 112 квартиру. Там целая трагедия. А я тогда успею что-нибудь Клавдии Сергеевне приготовить. Спасибо тебе большое! И она, не дождавшись протеста, который готовился вырваться из Максима, побежала. Остановилась, обернулась и закричала: «С прибытием в Красногорск! Тебе здесь понравится!» — Понравится, это когда ты никого не трогаешь, и тебя никто не трогает. Все живут замечательно, параллельно. А когда в первый свой день в этом городе звонишь в незнакомую квартиру с чужим котенком на руках... Теперь телефонный разговор Максима прервала буря эмоций, которая сначала занесла его в квартиру, потом на кухню, закружила в объятиях и счастливых детских визгах. Так как вырваться из этого потока восторга не было никакой возможности, Максим был вынужден пить чай, отвечать на вопросы, фотографироваться со всеми, включая котенка, и обещать быть частым гостем большой и дружной семьи Прохановых. Через час он заходил домой, в свою новую квартиру. Мама расставляла книги на полки и, вытащив из коробки фотоаппарат, протянула его сыну. — Как прогулялся? — Без комментариев, — Максим взял фотоаппарат и закрылся в комнате. День второй — Друзья мои! Лето прошло быстро, а впереди нас ждет учебный год, с которым я вас и поздравляю. А теперь открываем свои учебники... Наталья Юрьевна говорила, что-то отмечала в журнале, а ее левая рука искала нужную страницу в учебнике по литературе для восьмого класса. Ребята всегда увлеченно смотрели на ее способности и называли свою классную Цезарина, как производное от «Юлий Цезарь». Но в этот самый момент демонстрации ее многоплоскостного действия в класс вошла завуч школы, а за ней Максим. Лицо его выражало смесь скуки и высокомерия. — Наталья Юрьевна, я вам нового ученика привела. Знакомьтесь, Максим Поляков. Кстати, увлекается фотографией. В классе приветливо зашумели, причем исключительно девчонки. — Цезарина встала со своего места. — Спасибо, Ольга Викторовна. Максим садится... — она обвела взглядом класс, и от ее внимания не ускользнуло, как Маша Иноземцева вытолкнула своего соседа Лешу Горелова на заднюю парту. — Иди, садись к Маше Иноземцевой. Максим лениво перевел взгляд с Натальи Юрьевны на свободное место и вдруг уперся в цепкий взгляд тех самых огромных серых глаз. Кто бы мог подумать, что эта пигалица учится в этой же школе, в этом же классе, так мало этого — с ней еще

и за одной партой сидеть! А, судя по вчерашнему дню, общение с ней покоя не приносит. Максим обреченно сел за парту. Маша сияла. — Привет! После уроков пойдем за блином и к Клавдии Сергеевне. Максим, обычно сдержанный парень, равнодушный ко всему окружающему, вдруг неожиданно для себя остро отреагировал: — Ты сумасшедшая?! Я не знаю никакой Клавдии Сергеевны и хочу только одного — чтобы ты оставила меня в покое. Маша посмотрела на Максима так удивленно и по-доброму, что совсем его обескуражила. — Хорошо. Только блинчик купи, а я его ей сама отнесу. Максим смотрел на нее и не понимал, как реагировать. Проще было купить блин и закрыть, наконец, эту историю. На перемене Максима обступили девчонки, подошла Наталья Юрьевна, и они доходчиво объяснили, почему его так бурно встретили в классе. В городе проходит конкурс фотографий «Я люблю Красногорск». Они придумали целые истории, достали наряды, осталось только найти фотографа. А теперь все сложилось прекрасно, потому что фотограф будет учиться в их классе. Так же восторженно они назначили фотосессию на воскресенье, и отказаться у Максима не было никакого шанса. Что происходит? Этот вопрос крутился в голове Максима в течение десяти минут, пока они с Машей покупали блинчик. Два дня в Красногорске превратили его жизнь в хаос. Принципы «никому ни до кого нет дела» и «мне все пофиг» совершенно перестали работать. Он, конечно, мог отказаться от фотосессии в воскресенье, мог наплевать на этот блинчик, но так начинать свое пребывание на новом месте Максим посчитал неразумным. — Ты в знаки веришь? — этот вопрос вернул его в действительность. — Нет. — Значишь, поверишь. У тебя фамилия Поляков. — Где связь? Ты понимаешь, что для меня твои слова — полный бред? В это время они подошли к ларьку с блинами, и Максим заказал блин с капустой. Маша, не обращая внимания на его выпады и плохое настроение, продолжала говорить. — У нас здесь давно, еще до революции, жили Поляковы. — Поляков — распространенная фамилия. Они везде живут. — Да, но не все делают для других столько, сколько сделали они. У нас даже больница, которую они построили, до сих пор работает. — Поверь, что у меня с ними, кроме фамилии, больше ничего общего нет. — Есть. Ты всегда, как бы случайно, оказываешься там, где нужна помощь. — Ты правда сумасшедшая?! — Максим просто оторопел. — Хорошо, что в этот момент был готов блинчик. Он протянул его Маше, и вдруг раздался ее радостный вопль: — Дядя Володя! Маша уже мчалась навстречу крепкому пожилому мужчине, рука которого сжимала довольно большой саженец дерева. Он был усеян маленькими ровными яблочками. Второй раз Максим почувствовал себя глупейшим образом. Стоя с блином в руке, он смотрел на веселых Машу и этого дядю Володю, которые направлялись к нему и явно говорили о нем. — Владимир Михайлович, — Максим пожал большую мозолистую руку и подумал, что никогда не видел таких крепких рук. — Маша о тебе тут нарасказывала. Недавно в городе, а сразу включился в нашу жизнь. Молодец! Маш, а вот тебе и помощник на субботнике. — А Максим — фотограф, — значительно произнесла Маша. — Вот и хорошо, — Владимир Михайлович сразу оживился, — жителям приятное сделаем. Побольше фотографируй крупных планов. Они у нас все красивые, а когда в труде, и вовсе залюбуешься. Ладно, молодежь, мне пора. Ты давай, бери у него тарелку, а ты, Максим, держи яблоню. Машка ее целый год ждала. Владимир Михайлович по-хозяйски вручил Максиму саженец и ушел. Маша проводила его задумчивым взглядом, но к Максиму обернулась с задорной улыбкой. — Он тебе дядя? — Нет. Мы в одном доме живем. Ну что? Сейчас к Клавдии Сергеевне, а потом ко мне, яблоню сажать? Брови Максима произвольно поднялись вверх. — Я — раб лампы?! — Ты — Поляков! Когда на тебя смотрит большими глазами доброта, смягчится любое сердце. А ситуация была и вправду такая комичная, что лицо Максима впервые украсила не усмешка, а улыбка. Клавдия Сергеевна оказалась очень старенькой бабушкой, героем Великой Отечественной войны и Героем труда. За последний год она почти ослепла и не выносила резких и громких звуков. Маша приходила к ней два раза в неделю и выводила на тихую скамейку, где редко ходили люди и не было слышно - 192 - машин. А часа через два возвращалась и провожала ее домой. А всякие блинчики и оладушки — это был Машкин, как она говорила, «приятный бонус». Максим шел домой, когда на улице уже стемнело, и город осветил мягкий, теплый свет, делающий все вокруг таким уютным и домашним.

Он шел и вспоминал, с какой любовью Маша сажала свою яблоню. — Зачем она тебе? Ее завтра же утром обнесут. — Обнесут. Зато лет через десять на ней будет столько яблок, что всем хватит. День третий — Не получится. На следующих выходных точно смогу. Максим убрал телефон и вскинул привычным движением фотоаппарат. Вот уж никогда не предполагал, что социальный репортаж может быть таким захватывающим. Это старое выражение, что можно бесконечно долго смотреть на три вещи — огонь, воду, и как люди работают, Максим осознал на практике. А смотреть в объектив фотоаппарата на лица людей, увлеченных одним общим делом, да еще таким как преобразование места, в котором ты живешь, это завораживает! В этих лицах столько искренности, правды. Он увидел здесь и своих одноклассников, и Цезарину, делающую одновременно несколько дел. Кто-то красит лавочки, кто-то подметает, сажает, некоторые очень упорядоченно перемещаются с лестницами, ведрами и лопатами, равномерно распределяясь в пространстве. Все вокруг живет и радуется. Семья Прохановых выставила с балкона колонку, и все стали двигаться и улыбаться в такт какой-то старой доброй песне. Но, как всегда, его размышления прервала Маша. — Пойди, помоги дяде Володе. Он храбрится, а ему тяжелое совсем поднимать нельзя. Владимир Михайлович нес два ведра, заполненных песком, а в песочнице его уже ждали малыши, постукивая совочками. Максим взял одно ведро и понес к детской площадке. — Разгребай, молодежь! Владимир Михайлович высыпал песок в песочницу, и несколько малышей кинулись распределять его по всей песочнице. Дядя Володя повернулся к Максиму и стал говорить немного заговорщическим шепотом: — Ты парень хороший. Поэтому за Машкой следи. Смотри, какая она маленькая, а взваливает на себя как хороший мужик. Видишь — подойди как бы случайно, помоги. Максим отыскал Машу глазами и увидел, как она своими тонюсенькими ручками уже который раз пытается вонзить лопату в землю. И вот ей удается пробить немного земли, и она, довольная, обернулась, чтобы поделиться с кем-нибудь радостью своей победы. В этот момент она увидела Максима, а он успел сделать эту удивительную фотографию радости труда. Максим взял из ее рук лопату и быстро вскопал землю вокруг дерева. — Как поживает яблонька? Хоть одно яблоко осталось? — Нет. — Ты этому рада? — Да. — Я же говорил, что ты странная. — Нет, ты по-другому говорил, но так мне тоже нравится. День четвертый Фотосессия была назначена в невероятно красивой усадьбе Архангельское. Девчонки принесли пышные платья, которые хорошо вписывались в неповторимую атмосферу старины, величие архитектуры и грациозность парков. Маша вызвалась быть в этой истории костюмером и помощником фотографа. Она то и дело бегала, поправляла наряды, что-то пришивала, поила всех травяным чаем, заранее принесенным в термосе, и создавала всем прекрасное настроение. Поздно вечером Максим провожал ее домой и думал, что в это невозможно поверить, но эту искристую, неунывающую девчонку он знает всего четыре дня. День пятый На следующий день в школу Маша не пришла, и пустующее место рядом с Максимом сразу стало чужим и далеким. Наталья Юрьевна спросила, знает ли кто-нибудь, где Маша — никто из ребят не знал. Проходя после школы мимо ее дома и случайно взглянув на яблоню, Максим неожиданно для себя - 194 - решил зайти к Маше домой. Ему никто не открыл. Соседи тоже семью Иноземцевых с самого утра не видели. Максим шел и твердил, что ничего не могло случиться, вчера было все нормально. «Куда-то срочно уехала с родителями, а я нагнетаю ситуацию...» Вот в таких рассуждениях он очутился возле квартиры Клавдии Сергеевны и позвонил в дверь. Но Маши там тоже не было, зато Клавдия Сергеевна так обрадовалась приходу Максима, что уже через минуту стояла у двери в туфлях и с бадиком. Выхода не было, и ему пришлось отвести милую бабушку на любимую скамейку. «Надо стряхнуть с себя это помутнение и как-то развеяться», — думал Максим, а рука уже набирала номер старого друга. Потом он купил себе большой хот-дог, сел в парке и включил в наушники свой любимый рок. Старая жизнь возвращалась, больше ни котят, ни блинчиков, ни субботников. Ни-че-го! Вечером, когда Максим поудобнее устроился на кровати, включил музыку и пододвинул к себе ноут, за окном прогремел гром. Дождь. Первый осенний дождь большими косыми каплями залетал в форточку. Отложив в сторону компьютер, Максим встал ее закрыть. Вот тут, в эту самую минуту, его мозг нестерпимо больно пронзила одна единственная мысль —

Клавдия Сергеевна! Он бежал по дождливому городу, и ему казалось, что каждый фонарь, каждая лавочка смотрят на него с укором. «Только бы она была дома. Кто-то шел, увидел ее и отвел домой. Пусть будет так!» Но уже издали он увидел маленькую, сгорбленную старушку, сидящую на краю лавочки под проливным дождем. — Клавдия Сергеевна, простите! Простите меня, пожалуйста! — Максим не заметил, что кричит. — Все хорошо. Все хорошо. Ничего. Бывает. Пойдем домой. Пойдем, проводишь меня. Она успокаивала его! Его сердце, может быть впервые, сжималось от сострадания к этой старенькой, но очень сильной женщине. Они зашли в ее квартиру, и Максим почувствовал, что он должен что-то сделать для нее, пусть незначительное, но сделать. — Клавдия Сергеевна, давайте я Вам помогу. Может быть лекарство, какие-то капли нужно накапать? — Нет, не надо. Я уже тут все сама сделаю. А капли мне не нужны. У меня ведь только глаза вот ослепли, а сердце-то еще ровно бьется, не то что у Машеньки. — У Маши?! — и вот второй раз боль пронзила Максима. Будто он чувствовал что-то плохое, но не верил себе до конца, не хотел верить. — Машенька слабенькая родилась, да еще и с больным сердцем. Придет и все говорит: «Я когда что-нибудь делаю, значит живу. Столько, сколько вы сделали, я не успею, но стараться, Клавдия Сергеевна, буду». Вот и старается. Трудится, словно пчелка, а ей ведь любые нагрузки запрещены. Ты уж следи за ней, присматривай. — Хорошо. Я пойду, а то уже поздно. — Беги, весь тоже мокрый. Подожди, возьми зонтик. Он у меня в цветочек, но там же темно, никто не увидит. — Спасибо. Не надо, мне тут рядом. Спокойной ночи. Максим шел под проливным дождем и казалось, что по его лицу стекают не только капли дождя. Эпилог Зал был заполнен до отказа. С большого экрана смотрели счастливые жители Красногорска, ведущие объявляли победителей, и со сцены звучали слова благодарности. Но вот и опоздавшие. Максим вместе с Клавдией Сергеевной вошли в зал, и он посадил женщину на заранее подготовленное место в первом ряду к его одноклассницам, которые были в таком приподнятом настроении от ожидания увидеть себя на экране, что Наталье Юрьевне периодически приходилось бросать на них многозначительные взгляды. Немного дальше сидели и Владимир Николаевич, и все семейство Прохановых, и уже такие знакомые лица этого маленького доброго города. Максим сел рядом со своими родителями и стал наблюдать за всем происходящим, пока не услышал свою фамилию. — Гран-при конкурса присуждается Максиму Полякову за фотографию «Маша». И на экране появились эти огромные серые глаза, счастливые от возможности сделать что-то для своего города, пусть даже такое незначительное, - 196 - как вскопать дерево во дворе, но от всего сердца, со всей любовью. Максим поднялся на сцену, взял у организаторов приз и подошел к микрофону. Он заговорил не сразу, будто собирался с силами или подыскивал нужные слова. — Большое спасибо за оценку этой фотографии. Но только эти аплодисменты должны звучать не мне, а Маше Иноземцевой. Она сейчас в Москве, ее ждет операция на сердце, но когда она поправится, а она обязательно поправится, я передам ей этот приз. Максим сделал паузу, и в этой паузе было больше смысла, чем в любой речи. — Я ей скажу, что такие, как она, помогают таким, как я, многое понять. Для Маши любить свой город — это значит делать, трудиться, всех спасти, всем помочь. Она — настоящая. И любовь ее — настоящая...